

РОМАН ЕМЕЛЬЯНОВ

МОТЫЛЁК

Одобрено Рунетом

Роман Емельянов

Мотылек

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Емельянов Р.

Мотылек / Р. Емельянов — «Издательство АСТ»,
2026 — (Одобрено Рунетом)

ISBN 978-5-17-190309-1

Уморительная комедия положений или трагическая история конфликта поколений? Книга о том, стоит ли идти ва-банк или жизнь – не игра? Каждый найдет что-то свое в этой авантюрной трагикомедии. А несколько удивительных рассказов о прошлом и будущем – бонус-трек этого издания.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-190309-1

© Емельянов Р., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Предисловие	6
Мотылек	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Роман Емельянов

Мотылек

© Емельянов Р. А., текст, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Предисловие

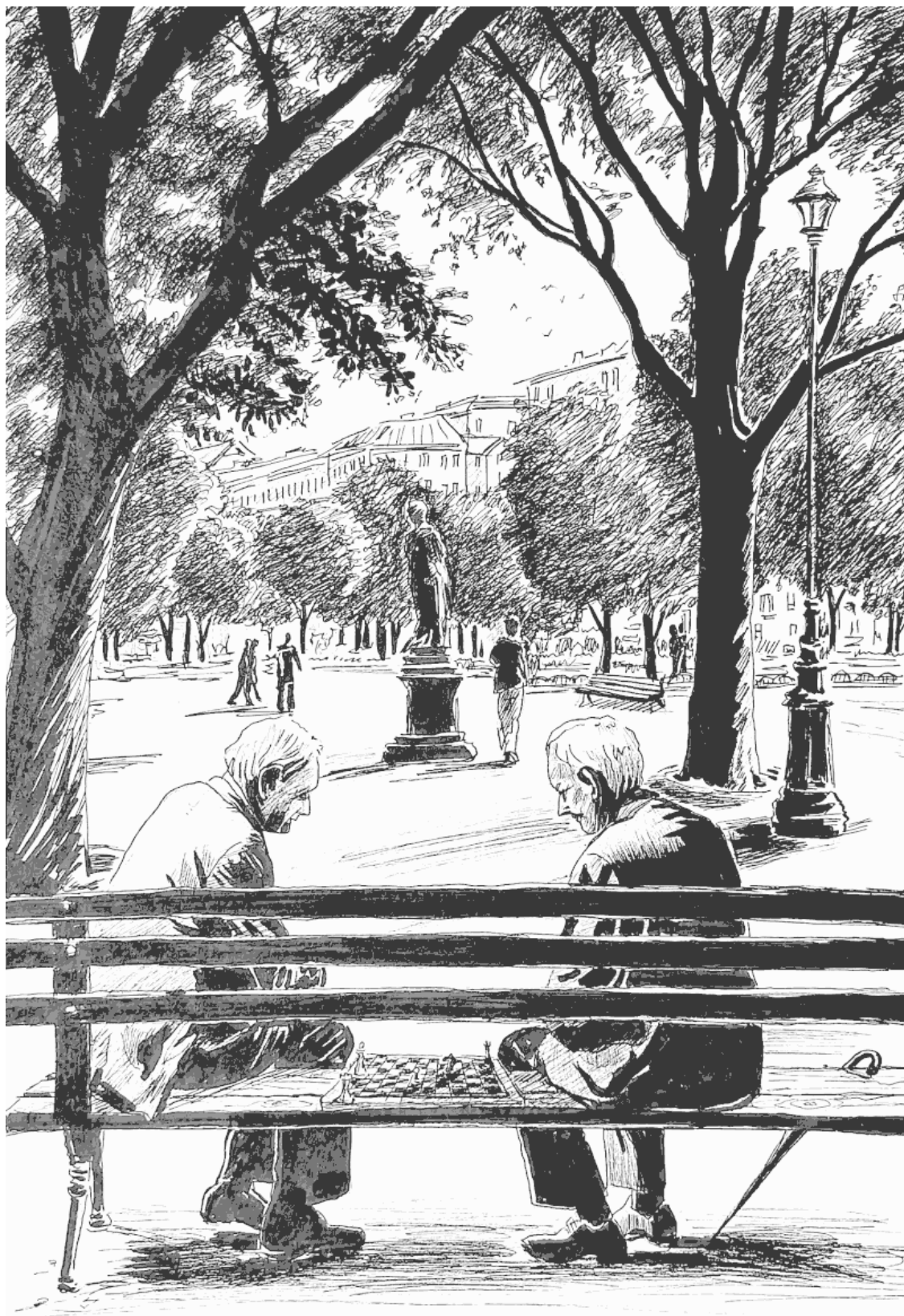
Здравствуй, Дорогой Читатель!

Книги, которую ты держишь в руках, никогда бы не было, если б не люди, которые меня спровоцировали на одну невероятную авантюру под названием «ПЬЕСА». Первым таким мотиватором стал Константин Юрьевич Хабенский. Прочитав мои предыдущие творения, он неожиданно молвил: «Ты должен написать пьесу!» Кто бы из вас посмел перечить Хабенскому? Вот и я не решился! Так вышло, что пьеса была стремительно написана и, более того, Константину Юрьевичу и другим моим строгим цензорам пришлось по душе. В ожидании постановки мне захотелось превратить ее в прозу. Если так выйдет, что вы сперва увидите спектакль, а после прочтете повесть, не удивляйтесь: в них действительно встречаются существенные различия, и это не случайность, а как бы разный взгляд на одну и ту же ситуацию.

Также в этом издании вы найдете несколько экспериментов с короткой прозой. Эти рассказы на первый взгляд никак не связаны единой линией. Действие их протекает в разных временах и даже вселенных. Истории, имевшие место в реальной жизни, переплетены с теми, что еще не произошли. Однако главной и единственно единящей их идеей является исследование человека, мужчин и женщин, погружение их в разные, порой самые невероятные, предлагаемые обстоятельства. При этом я по-прежнему не собираюсь никого ничему учить, выводы вам предстоит сделать самим. А самое главное, я надеюсь, что вы просто получите удовольствие и приятно проведете время с героями этой книги.

Напоследок не могу не высказать благодарности остальным моим цензорам и вдохновителям: Никите Сергеевичу Михалкову, Сергею Каюмовичу Шакурову, Игорю Геннадьевичу Кудряшкину, Игорю Юрьевичу Николаеву, моей любимой жене Юлии и моему самому прекрасному Издателю! Спасибо!

Мотылек

Жизнь – игра. Как бы банально это ни звучало, но это и правда так. Те, кто пытается с этим спорить и стремится навязать иную парадигму существования, обречены занять место в зрительном зале и с галерки в бинокль наблюдать, как разыгрываются главные призы. Да, избрав этот путь, ты наверняка не проиграешь. Но и не выиграешь тоже никогда. Поэтому, если хочешь бороться за первые места, претендовать на лакомый кусочек, прими эту простую истину и начинай свою партию, а дальше уже вопрос нюансов, и тут выбор за тобой.

Насколько рискованно ты собираешься играть? Каков стиль твоей игры? Способен ли ты поставить на кон все, что имеешь, или даже больше? Или же ты из другого теста – комбинируешь аккуратно, рискуя лишь тем, что заранее отложено на игру?

И не надо забывать о важном нюансе: от выбора самой игры тоже немало зависит, а иногда и все. Что ты предпочтешь – покер или шахматы? Простому наблюдателю, сложившему лапки, разница между ними не видна, но она шире любой из известных нам рек.

Возьмем шахматы или, например, преферанс. Это игры, построенные на жестких правилах. Здесь события развиваются в четко сформированной, досконально описанной вселенной и следуют неизменным законам. Здесь все решает умение. Более сильный, мастеровитый соперник всегда рано или поздно прикончит оппонента. Как бы сильно тому ни везло. Но и противника найти здесь непросто. Эти игры – удел интеллектуальной элиты, путь немногих. Если и занесет на эти поля самонадеянного выскочку, с ним расправятся в мгновение.

Вот покер – другое дело. Процент влияния удачи на результат серьезно возрастает. Эта игра по своей сути гораздо ближе к самой нашей жизни. Кроме удачи и мастерства, она добавляет элемент психологии и даже блефа, дает возможность заставить врасплох соперника нестандартным ходом, напугать его тем, чего у тебя на самом деле нет. Нельзя сказать, что в шахматах или преферансе такая возможность вовсе отсутствует. Просто применение такого приема, как блеф, в этих играх чаще всего заканчивается для блефующего плачевно.

Хотелось бы поделить все существующие игры на два лишь этих вида, но это было бы нечестно. К сожалению, есть еще одна игра, и последователей у нее гораздо больше, чем у всех остальных. Это, разумеется, рулетка. Здесь выигрыш может быть гораздо крупнее, стремительнее, а сама игра не требует от тебя практически никаких умений. Но и проигрыш тут фатален и рано или поздно необратим. Игра отчаянных лентяев, коих на свете, как известно, большинство. И если первые два вида игры дают тебе возможность осознать, что ты не тянешь, и всегда есть шанс вовремя отступить перед сильным противником, чтобы поднабраться умения и вернуться в игру позже, то здесь ты играешь только лишь с судьбой – пан или пропал.

Виктор Степанович Соколов предпочитал шахматы. И в парке на скамье, и в жизни. Играл в них при этом неважно и, как человек неглупый, это сознавал. Трезво оценивая свои способности, он всегда вовремя останавливался, уступая более искушенному сопернику. Куш не срывал, но и без штанов не оставался. Поэтому жизнь его не скатилась в тартарары, хотя и звезд с неба он не сорвал.

Виктор Степанович проработал всю жизнь на родном комбинате и дослужился до должности главного инженера. Кроме того, он был хорошим педагогом и признанным изобретателем. Изобретателем с большой буквы «И», и если бы «играл» лучше, то достиг бы небывалой известности и богатства. Но встретились на его карьерном пути игроки посерьезнее. Его ученик и ныне главный акционер комбината Марк разменял пешку на ферзя: дал Соколову должность и приемлемую жизнь в обмен на его изобретения. Все патенты были оформлены на комбинат, то есть в итоге непосредственно на Марка. Зато у Соколова была вполне себе приличная трехкомнатная квартира в самом центре города, в сталинском доме и относительно достойная пенсия. Честно говоря, Виктор Степанович, несмотря на почтенный возраст, чувствовал еще в себе силы и желание работать дальше. Но ему так ловко объяснили, почему он должен уйти на покой, что он не стал долго сопротивляться и сдал очередную, не проигранную на самом деле

партию. Сработала природная... не трусость, но осторожность, что-то вроде нежелания получить мат. К тому же он был из того рода-племени людей, что относятся к себе и своим способностям с определенной долей скептицизма. Иные принимают это за скромность, но скорее это походит на неуверенность в себе, заниженную самооценку. В то же время он был настоящим тружеником, из числа тех, на чьих плечах строятся великие дела, но в распределении дивидендов эти люди никогда не принимают участия, уступая более наглым игрокам.

Таким образом, не старый еще ментально и физически изобретатель оказался на пенсии, дома, без какого-либо понимания, как ему жить дальше, во имя чего жить, в одной квартире с безработным сыном-переростком и его возлюбленной. Это было странное общежитие, в котором Соколов неожиданно почувствовал себя абсолютно чужеродным элементом. И дело было не в том, что его не любили. Но и не в том, что его любили. Дело было в том, что он им просто-напросто мешал. Появление Дианы в доме совпало с его выходом на пенсию, а пенсия, в свою очередь, повлекла за собой необратимые последствия: он перестал быть главным кормильцем в семье, человеком, который наполняет холодильник продуктами. Когда он лишился этого неубиваемого козыря, ему было сложно состязаться с Дианой, которая тащила теперь на себе весь дом. Наступил так называемый «переходный период», когда официально вожаком стаи является один, а на практике – другой.

Диана обладала двумя неоспоримыми преимуществами. Она была безумно активной и невероятно красивой особой. Даже у Соколова-старшего, который давно ушел из большого секса, перехватывало дыхание, когда это полногрудое чудо вплывало в их маленький мирок. Нельзя сказать, что она отвечала канонам мировых конкурсов красоты, но в ней, кроме тонкой талии и пышного бюста, было еще нечто весьма притягательное – негасимый огонь, деятельность, которая сразу заполняла собой и подчиняла себе любое пространство, где она появлялась. Она раздражала и вместе с тем восхищала. Каждый раз, глядя на нее, Виктор Степанович пытался постичь, почему из всего представленного на рынке ассортимента ее выбор пал именно на его отпрыска. Нет, разумеется, он любил своего сына и желал ему самой лучшей судьбы... Но он также прекрасно понимал, что Максим – далеко не подарок, на роль принца тянет с большой натяжкой. Безработный пессимист и циник, пустивший корни в диван, с вросшими, в свою очередь, в правую руку телевизионным пультом, а в левую – бутылкой пива.

Диана же была из тех, кому свистят бойкие кавказцы из мерседесов, начальники метят в любовники, а молодые романтики готовы ради таких голову сложить.

И в то же самое время она была омерзительна. Прежде всего потому, что заняла в этом маленьком общежитии его законное место – место кормильца, лидера. Потому что забрала у него единственное оставшееся – его сына. Ровно в тот момент, когда у него появились время и возможности наконец им заняться, у него тут же эту привилегию отобрали. А он чувствовал в себе силы и решимость помочь Максиму, спасти его, вытащить из удушающих объятий дивана. Он осознал, что как игрок он не очень состоялся, но как тренер, пусть и с опозданием, не совсем потерян. Причем, как это нередко, а может, и всегда, случается, великолепный профессиональный педагог, любимец учеников и соседских детей не является отцом мечты в своей собственной семье. Именно так сложилось и в доме Соколовых. Чувство вины за это и желание реванша не покидали главу семейства, а вину за неудачи всегда хочется на кого-нибудь свалить. Теперь этим громоотводом стала Диана. Убери ее – и не обязательно, что все получилось бы и реванш состоялся бы, но винить ее было логичным спасательным кругом.

Это странное и неуютное сожительство продолжалось уже второй год. Все чаще в последнее время стала подниматься тема переезда. Причем переезда именно Соколова-старшего. При комбинате открылся «Дом Радости». Попросту говоря, дом престарелых. Туда отправляли доживать свой век наиболее заслуженных сотрудников предприятия, списанных в тираж, и других достойных городских пенсионеров. Разговоры о переселении в старческий рай начинались всегда издалека и сводились к одним и тем же предсказуемым тезисам: «Ну что, тебе

трудно попросить Марка? Он для тебя все сделает!»; «Там ты не будешь одинок. Коллеги, сослуживцы...»; «Сидишь целыми днями дома! А там – досуг, кружки, концерты...».

Виктор Степанович, как уже говорилось выше, был далеко не дурак, все прекрасно понимал и долгими бессонными ночами честно старался прийти к решению, к которому его подталкивала молодежь. Но в то же самое время он не мог смириться с тремя вещами. С тем, что для него все закончилось. С тем, что он должен отказаться от квартиры – единственного осязаемого итога его жизни. И с тем, что он расстанется с сыном и лишится таким образом возможности, пусть и на склоне лет, стать его наставником. Хотя он и старался для себя все выставить таким выгодным образом, что это он нужен сыну, глубоко внутри он осознавал, что сам в нем нуждается намного больше именно теперь.

Так и жили. В постоянном напряжении.

В поисках выхода из этой искрящей обстановки Соколов пытался найти себе применение. Он выходил из дома каждое утро так, словно ему необходимо было куда-то идти. Старался больше гулять, посещал парк, играл там с местными завсегдатаями в шахматы, но не получал от этого никакого удовольствия. Во-первых, потому что постоянно проигрывал. Во-вторых, потому что они все были какие-то... поношенные... потухшие. Ему казалось, что это передается воздушно-капельным путем, и он боялся заразиться старостью.

Этим утром он впервые за многие годы заглянул в храм. В поисках то ли ответа, то ли совета. Но не получил ни того ни другого. В храме было красиво и пусто. Догорали немногочисленные свечи. Совсем короткие огарки собирала звонко шаркающая старушка в грустном платочке, задувала и бросала в железное ведро. На Соколова она покосилась без одобрения, и тот поспешил ретироваться.

Неподалеку от святылища лежало кладбище, где была похоронена его жена. Он не навещал могилу уже несколько лет. Не пошел и сегодня. Ближе к своей кончине супруга часто его водила к семейному захоронению, словно пытаясь привить привычку. Для нее было очень важно, чтобы он приходил сюда потом. И он послушно плелся рядом с ней, хоть и не испытывал никакой тяги к этому месту, но дабы не расстраивать... Не тянуло его туда и теперь. В первый год после смерти супруги он старательно соблюдал этот ритуал посещения, но в какой-то момент осознал, что не испытывает при этом ничего, кроме тягостной тоски и даже скуки. Он не знал, что там нужно делать, что чувствовать. Могила не вызывала в нем никаких эмоций, кроме печальных воспоминаний о последних тягостных днях близкой женщины и непосредственно церемонии погребения. Соколов искренне старался преодолеть себя, даже пробовал, подглядев, как это делают другие, разговаривать с камнем. Но не ощутил какого-либо ответа. Глухая тишина в воздухе и сердце, пустота. Ее здесь нет, понял Соколов и бросил ходить на кладбище.

Исчерпав иные возможные варианты времяпрепровождения, мгновенно отринув кино и бар, Соколов нехотя отправился домой. Лестничные пролеты он преодолел, как всегда, пешком. Старался держать себя в упругой форме – делал по утрам зарядку и игнорировал лифт. Стащил ботинки, скинул плащ и, набрав полную грудь воздуха, шагнул в гостиную. Максим, его сын, пребывал в том же привычном психофизическом состоянии, что и несколько часов назад, когда Соколов-старший покинул обитель. Младший сидел на диване, пил пиво и смотрел какое-то дурацкое шоу, в котором абсолютно незнакомые Соколову звезды, или, как теперь говорили, «инфлюенсеры», жрали пауков и макали друг друга в чан с дерьмом в борьбе за ценный приз. Время от времени Максим прикладывал бутылку ко лбу. Значит, бутылка холодная – сделал вывод Соколов, а следовательно, с дивана сын хоть раз, но вставал. Схему перемещения Максима по квартире Соколов изучил досконально и прозвал «Бермудским Треугольником». Маршрут: диван – туалет – холодильник – диван. Ему казалось даже, что древний паркет на этой дистанции был отполирован тапками наследника до блеска. Было время, когда он винил в том, что сын превратился в живой пельмень, жену. Мол, избаловала своей любовью и потака-

нием и превратила его в тоскливую аморфную субстанцию. Позднее осуждал самого Максима. Теперь же все чаще склонялся к тому, что он сам проворонил момент, когда парню были необходимы помощь и твердая рука. При этом Макс вовсе не был глупым или бездарным. Напротив! Учеба ли, спорт ли – за что бы он ни брался – с детства давались ему невероятно просто. Школу он закончил с отличием. Занявшись в раннем детстве шахматами, достиг уровня крепкого первого разряда в рекордные сроки и неоднократно побеждал на соревнованиях, свидетельством чего была целая полка с кубками и грамотами. Решил сперва отправиться по стопам отца, пошел учиться на инженера. Учеба и тут складывалась так же легко и непринужденно. Педагоги, большинство из которых Соколов знал лично и пользовался их уважением, не устали нахваливать Максима и пророчить тому большое будущее. И вдруг однажды, внезапно, без видимых причин, он в одночасье бросает институт. Сколько было семейных собраний, разговоров, уговоров, криков... Без толку. Пошел служить в армию. Сам принял это решение и отказался слушать любые доводы родителей. Вернулся на гражданку, сел на диван, врос в него. Соколов пытался на отпрыска как-то влиять, но делал это по-соколовски неуклюже: в лоб и громко. Мать всегда вставала на сторону сына. «Оставь ты его, Вить. Молодой еще. Значит, так Бог решил. Илья Муромец тоже тридцать три года...» Потом ее не стало. И Соколов смирился, отступил. Словно в память о ней он заменил свою непримиримую доселе позицию более мягкой, пытался выжидать. Но и эта тактика ожидаемых результатов не принесла, перемен не предвиделось.

Время от времени Максим впутывался в сомнительные финансовые авантюры, брал кредиты и всегда прогорал. Соколов, пока работал на комбинате, терпеливо помогал сыну выпутываться из долговых обязательств, считая это своим долгом, и, чего уж там, откупаясь от чувства вины. Теперь же такой возможности больше не было...

Виктор Степанович приземлился на диван рядом с Максимом.

– Вот ты говоришь «кладбище»...

Максим удивленно вскинул бровь.

– Я говорю?

– Ну хорошо, не говоришь, а думаешь. Ну ладно, не думаешь. То есть стараешься не думать. А ведь кладбище – это самая большая социальная сеть в мире, в которой все люди зарегистрированы с рождения. Самые лучшие фотографии. Самые прикольные статусы. И сразу видно, у кого сколько подписчиков. Если заросло травой и проржавело, значит контент при жизни был не очень... Почему-то мало фоток в купальниках... Но зато обо всех – только хорошее. На кладбище начинаешь по-настоящему верить в человечество. Здесь лежат только самые лучшие коллеги, добропорядочные граждане, любимые супруги и преждевременно ушедшие родители. Не очень понятно, куда исчезают все негодяи, коррупционеры, прелюбодеи и соседи, которые делают бесконечный ремонт. Наверное, для них где-то есть отдельное кладбище. Вот ты уже выбрал надгробие?

– Ты выпил, что ль, пап?

– Нет? А напрасно! Твой профиль прекрасно будет смотреться в мраморе. А дети, если они у тебя появятся, конечно... они будут экономить и поставят просто крест. Хочешь сделать хорошо – сделай сам!

– Вроде трезвый...

– Было бы еще здорово, если бы у каждой могилы был свой саундтрек. Подходишь к памятнику – и начинает играть любимая песня усопшего. Я бы хотел, чтобы у меня звучал «Дельтаплан». «Вот я надену два крыла, и ближе ты...»

– Ты на кладбище, что ли, был? – Максим сделал глоток.

– Не был...

Соколов отправился на кухню, натянул древний потертый фартук и принялся остервенело готовить кисель. Надо сказать, что он уже давно и безуспешно пытался отвоевать кухню у Дианы. Таким образом он надеялся занять хоть какую-то полезную нишу в их племени. Да, теперь он не мог приносить домой продукты, но он мог превращать их в еду. Впрочем, ни Диана, ни Максим не хотели с этим мириться, и на то были объективные причины. Первая и главная – готовил Соколов так себе. А у Дианы, напротив, это выходило превосходно, что являлось еще одним поводом для раздражения!

Сегодня Виктор Степанович решил вновь попробовать сварганить фирменный кисель по рецепту покойной жены. Последняя попытка, осуществленная около полугода назад, с треском провалилась. Тогда получилось какое-то сумбурное варево, скорее похожее на клейстер. На этот раз Соколов чувствовал прилив вдохновения. Он варил и пел, пел и варил. «Вот я наде-е-ну два крыла...» Полет фантазии и песни прервал окрик Максима.

– Па-а-ап!

– Что, сынок? – Соколов появился в комнате с кастрюлей в руках и немым вопросом в глазах.

– Можно чуть потише? Голова от твоего «Ретро ФМ» раскалывается.

– Может, скорую вызовем? Если от музыки голова болит, это может быть что угодно. Даже рак!

– Очень смешно.

– А у тебя голова болит от Леонтьева и Ротару одинаково или от Леонтьева больше?

– А чем так воняет?

– Запахи чувствуешь, значит точно не ковид! – Соколов тоже почувствовал аромат грядущего провала.

– Это что? Кисель, что ль? Пап! Опять?! Ты же знаешь, что Диана терпеть не может этот запах...

- А ты в детстве обожал кисель! Мама его варила каждое воскресенье...
- Это было почти тридцать лет назад! И мама его умела готовить!
- Я делаю все точно по ее рецепту! Технология не пострадала! Не забывай, с кем разговариваешь! В отличие от тебя, я знаю, что такое технология и производство!
- Мы живем вместе и должны уважать чувства друг друга, вот Диана...
- А Диана тут на каком основании такое право голоса имеет?
- Она моя... невеста.
- Второй год уже живет в моей квартире, – Соколов сделал акцент на слове «моей», – а все «невеста». Вы жениться-то планируете? Или теперь это не в... этом, как его... тренде?
- Мы проверяем наши отношения.
- А мне кажется, вы ждете, когда я коньки отброшу.
- Ну пап!
- Чтобы завладеть моим недвижимым имуществом!
- Пап!
- Хотя ты прав. Уже поздно противиться. Недвижимое имущество это ты. И она им уже завладела.
- Почему ты так хочешь, чтобы мы поженились? Можно подумать, факт официальной регистрации брака что-то изменит... Нравы прошлого века... Да и Диана же тебе не нравится.
- Что делать, если она – единственная, кто на тебя позарился. И мне больше не нравится, что ты стал как... холодец!
- Вкусный?
- Максим явно уже пожалел, что заставил отца так волноваться, и попытался перевести разговор в шутку. Но не тут-то было. Соколов был человеком натуры крепкой, старой закалки, и так просто его было не сбить.
- Вареный и желеобразный! Семья, дети – это ответственность! Может, хоть это заставит тебя как-то двигать конечностями... Построишь семью – может, и себя построишь.
- Да, ты в этом большой специалист! Академик строительства семейного счастья! – ляпнул отпрыск и тут же прикусил язык.
- Знаешь что?
- Что?
- Ничего!
- Соколов с гордым видом развернулся и стремительно удалился с кастрюлей в руках в сторону уборной. Максим выключил телевизор и запрокинул бутылку. В повисшей тишине было прекрасно слышно, как отец выливает кисель в унитаз и спускает воду. Через несколько мгновений Соколов вновь появился в комнате с видом триумфатора и пустой кастрюлей.
- Теперь ничто не потревожит нежный носик нашей надзирательницы!
- Пап!.. Давай в шахматы сыграем!
- Хочешь унизить еще больше?.. Давай.
- Мужчины сели за стол и принялись молча расставлять фигуры. Максим выставил время на часах. Так часто бывает в жизни, что два человека прекрасно понимают: необходимо остановиться – и оба не в силах это сделать. Тут бы просто отдышаться, разойтись по разным комнатам. Эхо прошедшей, казалось бы, семейной ссоры все еще висит в воздухе. И шахматная партия, разумеется, превращается в ее продолжение помимо их воли. Делая ход, отец и сын поочередно жмут на кнопки на часах. Каждый ход сопровождается репликой, первым не выдерживает Соколов.
- Ты мог стать неплохим шахматистом.
- Мог...
- И инженером.
- Ты тоже мог много кем стать, тоже мне пример для подражания.

- Мне за свою жизнь не стыдно. Я честно работал.
- Ты честно работал, а зарабатывали другие.
- В чужом огороде клубника всегда вкуснее. – Соколов ненадолго задумался перед очередным ходом.
- Это когда свой огород есть. А так мудрость звучит иначе: в чужом огороде – клубника. И все.
- Твоя мама так не считала. Ее наша жизнь вполне устраивала.
- Мама другой жизни не знала. Что и знала – стирка, готовка, смена. Смена, стирка, готовка. Дальше Сочи не ездила. И то пару раз. Вот и сгорела.
- Много ты знаешь, отчего она сгорела... Может, от того, что сын – оболтус?
- Да, во всем я виноват, если что. Это ж не я на работе сутками торчал. Я с ней хотя бы разговаривал.
- Вот ты мне и покажи на своем примере, как надо.
- Как я покажу, если мы живем как в общежитии.
- А, то есть это я вам мешаю?
- ...
- Вам придется с этим как-то смириться. Я помирять пока не собираюсь.
- Пап!
- Не папкай.
- Есть же и другие... альтернативы...
- Какие?
- Ну, вот, например... Диана же нашла прекрасный вариант! – Максим достал из кармана буклет и протянул Соколову.
- Что это? Опять?
- Мы много думали с Дианой. Нам кажется, что для тебя это идеально...
- Вы что? Хотите сплавить меня в хоспис?
- Не хоспис, а санаторий для взрослых людей! «Дом Радости»!
- «Дом Гадости»! Умирать в компании старперов.
- Она... мы же хотим как лучше!
- Кому лучше?
- Ну... Всем... Сидишь дома, как сыч. Почти ни с кем не общаешься.
- Сижу дома поменьше некоторых! А не общаюсь, потому что не хочу. А с кем хочу – общаюсь. Сейчас с тобой, например... Марк навещает.
- Иуда твой Марк... А там каждый день культурная программа, свежий воздух, походы в театр, ровесники...
- Кладбище. Вот идеальное место. Там моих ровесников еще больше.
- Ладно. Проехали. Одно и то же.
- Вот-вот. Одно и то же.

Неизвестно, чем бы закончился очередной виток выяснения отношений между отцом и сыном, если бы в дверном замке не провернулся ключ и в комнату не вплыло оно – яблоко раздора.

Если бы Диана жила в эпоху Возрождения, она, несомненно, не знала бы отбоя от художников и предложений выступить в роли натурщицы. При взгляде на нее у любого мужчины, даже самого преданного семьянина, необратимо включалась фантазия. В кинематографическом мире ходит такая поговорка: «Если снимают „Мастера и Маргариту“, значит кто-то намеревается раздеть самую красивую актрису». Красота – страшная сила, и не только в мире искусства, но и в простой жизни. Диана была олицетворением этой красоты, ее земным и весьма осязаемым воплощением. При этом не пошлой красоты и не глянцевого, а природной, от земли. Одновременно с этим она была далеко не глупа и весьма деятельна, даже чересчур. Сколько

ни ломал голову Соколов над парадоксом их союза с Максимом, он так и оставался для него неразрешимой загадкой. Они просто однажды познакомились в очереди в супермаркете, и она почему-то решила, что лучше мужчины ей не найти. Возможно, думал Соколов, она относится к типу «женщина-мать». По теории Виктора Степановича, женщины этой категории, вопреки принятым стереотипам, нуждались именно в слабых мужчинах, дабы опекать их, заботиться, жалеть и играть роль «альфы» в ячейке общества. Лишь эта версия полностью объясняла происходящее. Для такой роли лучше его сына кандидатуры сыскать было невозможно.

В то же самое время Максим постоянно испытывал ее терпение. Несмотря на желание верховодить, Диана была совсем не против того, чтобы тот нашел себе работу, например. А он по-прежнему этого не мог или не хотел сделать. Вдобавок уже пару раз за эту пару лет он умудрился ввязаться в «гениальные финансовые схемы» и задолжать денег, которые пришлось выплачивать Диане. Однажды она была вынуждена даже взять кредит в банке. Тем не менее терпение ее, на первый взгляд, не лопалось, а когда Соколов напал на сына по поводу поиска той самой работы, она частенько, вопреки логике, вставала на его защиту. А Максим, в свою очередь, щедро кормил ее «завтраками». Мол, «завтра пойду», «завтра устроюсь». И, кстати, один раз действительно сходил на собеседование. Надел парадный единственный пиджак, причесался (расческой, а не пятерней!) и ушел. Вернулся домой злой и громогласно поклялся, что «никогда не будет работать на дядю, а займется собственным бизнесом!». Диана постаралась, как всегда, его успокоить и выяснить, что такого страшного с ним случилось и кто его обидел.

– Да они просто издевались надо мной. Спрашивали, в ресурсе ли я, в потоке ли, с каким животным я себя ассоциирую и как я опишу желтый цвет слепому человеку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.